

ОЛДОС ХАКСЛИ

МОНАШКА К ЗАВТРАКУ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Х16

Серия «Эксклюзивная классика»

Aldous Huxley
COLLECTED SHORT STORIES

Перевод с английского

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения Aldous and Laura Huxley Literary Trust,
наследников автора и литературных агентств
Georges Borchardt, Inc. и Andrew Nurnberg.

Хаксли, Олдос.

Х16 Монашка к завтраку [сборник; перевод с английского-го] / Олдос Хаксли. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-117031-8

Олдос Хаксли — не только автор легендарных романов «О дивный новый мир», «Остров», «Слепец в Газе» и многих других, но и признанный мастер классической английской новеллы, стоящий в одном ряду с такими новеллистами, как Сомерсет Моэм, Джером К. Джером, Ивлин Во...

В эту книгу вошли авторские сборники рассказов 1920-х годов — «Лимбо» и «Мирская суета». В них нашли отражение все самые яркие черты английской новеллистики: ирония и юмор, лаконичность, разнообразие форм повествования, парадоксальность сюжета и, конечно, неожиданная концовка.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117031-8

© Aldous Huxley, 1920, 1922
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

ЛИМБО

(СБОРНИК)

ФАРСОВАЯ ИСТОРИЯ РИЧАРДА ГРИНАУ

I

На седьмой день рождения Миллисента получила роскошный подарок — кукольный домик. *«Дорогой малышке Милл с любовью от тетушки Лу»*. Тетушка Лу была неимоверно богата, и кукольный домик выглядел почти так же помпезно и монументально, как она сама.

В домике имелось четыре комнаты — каждая оклеена обоями особого цвета в соответствии с ее назначением. На верхнем этаже стояли кровати, платяные шкафы и умывальники. Внизу — кресла в окружении искусственных растений. *«Со всеми удобствами, шикарные интерьеры»*. На обеденном столе красовалось блюдо с холодной закуской: двумя алыми лобстерами и несколькими кусочками ветчины с аппетитным бело-розовым срезом. Всего и не перескажешь — изумительный кукольный домик. Во всяком случае, так считал Дик, брат Миллисенты.

© Перевод. О. Акопян, 2019.

Целыми днями он открывал и закрывал входную дверь домика, заглядывал в окна, переставлял мебель.

Что касается Миллисенты, щедрый подарок оставил ее совершенно равнодушной. Девочка мечтала (и более того, целый месяц пылко молилась перед сном), чтобы тетушка Лу подарила ей на день рождения детскую швейную машинку (но только такую, на которой можно по-настоящему шить). Каково же было разочарование Миллисенты, когда вместо швейной машинки тетушка вручила ей кукольный домик! Впрочем, девочка приняла этот удар судьбы с достоинством и держалась с тетушкой Лу безукоризненно вежливо. Миллисента так и не подошла к кукольному домику — он ее просто не интересовал.

Дик уже учился в начальной школе. Мистер Киллигрю, директор школы, заметил, что мальчик подает определенные надежды. *«Отличается довольно хорошими способностями к математике, — писал директор в своем отчете. — С этого семестра начал изучать курс алгебры и проявляет довольно хорошие...»* («довольно хорошие» вычеркнуто. Ох, уж этот скучный язык отчетов!) *необычайную склонность к предмету». Мистер Киллигрю не знал, что помимо алгебры его ученика очень интересовали куклы. Если бы директору стало об этом известно, он бы высмеял Дика столь же презрительно и почти в тех же выражениях, что и одноклассники мальчика. По овцам и пастырь: увы, подчас наставники уподобляются своим подопечным.*

Безусловно, Дик и помыслить не мог о том, чтобы рассказать одноклассникам о своем тайном увлечении. Даже дома мальчик прилагал все усилия, чтобы никто не догадывался о его слабости. Если Дика

все же заставляли в комнате, где стоял кукольный домик, он тотчас напускал на себя самый непринужденный вид и, сунув руки в карманы, удалялся, насвистывая под нос песенку: *«Есть славная земля, но путь туда неблизкий. Там семь раз в день едят то яйца, то сосиски»*. Всем своим видом Дик показывал, что заскочил сюда буквально на минутку — пнуть дурацкую штуковину.

Когда он не играл с кукольным домиком, то проводил время за книгой. Читал много, захлеб. Дика не останавливали ни объем, ни сложность произведений: в восемь лет он осилил роман «Роберт Элсмер»¹ в трехтомном издании. А если Дик не читал, то обыкновенно сидел на диване и размышлял обо всем вообще и ни о чем в частности. Или, как укоризненно говорила Миллисента, «болтался без дела».

В отличие от брата, Миллисента никогда не сидела сложа руки: она занималась прополкой в саду, рыхлила землю или собирала фрукты (съедая при этом не более дозволенного количества: одну из двадцати ягод малины или одну из сорока слив); помогала Кейт на кухне; слушая, как мама читает вслух, вязала по вечерам шарфы для несчастных созданий, именуемых «убогими», о которых имела весьма туманное представление. Миллисента не одобряла безделье Дика, но он тем не менее продолжал бездельничать.

¹ «Роберт Элсмер» — известный роман английской писательницы, журналистки и общественного деятеля Мэри Августы Уорд (1851–1920). В произведении затрагиваются серьезные теологические вопросы. Мэри Уорд была племянницей известного писателя Мэтью Арнольда и тетей Олдоса Хаксли. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

К двенадцати с половиной годам Дик достаточно продвинулся в области математики, истории и мертвых языков, чтобы прийти к выводу: его дорогие родители абсолютно невежественны и бескультурны. Зато, к большей радости дорогих родителей, глубокие знания Дика позволили ему выиграть стипендию для обучения в одной из лучших частных школ — колледже Эзопа.

Будь это рассказ о школе, я бы упомянул, что во время обучения Дик врал, ругался, святотатствовал, повторял за другими непристойности, читал в журнале «Джон Булл» статьи о борделях, замаскированных под дома престарелых, и о сластолюбцах, выдающих себя за священников. Я бы отметил, что подавляющее большинство своих преподавателей Дик считал глупыми и даже злыми людьми. И так далее. Все это, конечно, соответствовало бы истине, однако увело бы читателя в сторону. Ведь перед вами не одно из заурадных повествований об умных молодых людях, которые в школе открывают для себя атеизм и искусство, в университете — социализм, а получив степень бакалавра гуманитарных наук и пройдя неизбежную стадию ознакомления с сексом и сифилисом, к двадцати пяти годам превращаются в блестящих писателей. Поэтому позволю себе опустить незначительные подробности, объяснимые издержками пубертатного периода, и освещу лишь те пункты, которые помогут сформировать представление о будущей профессиональной деятельности нашего героя.

Кто действительно ищет знаний, тот (невероятно, но факт!) находит их в колледже Эзопа. И Дик весьма в этом преуспел. С первых же дней он стал любимцем преподавателя математики мистера Скью-

болда, очень талантливого специалиста в своей области, который, однако, отличался редкой неорганизованностью и упускал из виду отличную возможность заработать, давая частные уроки одаренному ученику. Дом мистера Скъюболда был самым неопрятным в колледже. Дик называл обитель преподавателя математики смесью трущоб и приюта для умственно отсталых. Вычитав у сэра Томаса Брауна¹ о распространенном заблуждении, будто от евреев исходит неприятный запах, мальчик написал в школьный журнал заметку, где назвал автора шарлатаном и обманщиком. Заявления сэра Томаса Брауна явно расходились с тем, что Дик ежедневно видел в доме мистера Скъюболда.

Может показаться удивительным, что Дик вообще читал работы Брауна. На самом деле интересы мальчика не ограничивались математикой. Колледж Эзопа предоставлял ученикам массу свободного времени, и Дик был одним из тех, кто умел правильно распорядиться столь щедрым подарком. Он с огромным интересом читал самые разнообразные книги по истории, литературе и естествознанию как на родном, так и на нескольких иностранных языках. Дик проявлял исключительные умственные способности.

«Гринау — интеллектual, — надменно заключил мистер Копторн-Слезинджер. — К несчастью, со мной в доме проживает пара-тройка таких же. Его друзья. На мой взгляд, Гринау дурно влияет на учеников». Мистер Копторн-Слезинджер считал себя идеальным примером высказывания *«mens sana in*

¹ Сэр Томас Браун (1605–1682) — британский медик и литератор, автор работ на оккультно-религиозные и естественнонаучные темы.

corpore sano»¹ — истинным духом английского джентльмена, заключенным в тело греческого бога. Правда, с коротковатыми ногами и выступающей вперед нижней губой, придающей лицу мистера Копторн-Слезинджера сходство с лососем.

Дик и вправду собрал вокруг себя компанию единомышленников. В этот круг входили: Партингтон, будущий историк; Гай, прочитавший всю классику Золотого века и страстно увлеченный изучением средневековой латыни; Флеттон, человек выдающегося ума, который довел искусство ничегонеделания до невероятных высот, коих еще не достигал никто из учащихся колледжа Эзопа. Четверка закадычных друзей представляла собой довольно любопытное зрелище — Дик, маленький, темноволосый и нервный, Партингтон, сплошная округлость (с круглыми, как две луны, очками на круглом же лице), Гай с деревянной старческой походкой и Флеттон, копия диккенсовского мистера Джингля², такой же тощий и длинный, со смешной гримасой на лице. «Шайка уродливых бездельников», — цедил сквозь зубы при виде ребят мистер Копторн-Слезинджер, уверенный в своем божественном великолепии.

В компании верных друзей Дик мог бы чувствовать себя абсолютно счастливым. (По большей части так и было.) Интеллектуально дополняя друг друга, ребята с успехом обсуждали любые вопросы. В ходе этих бесед они в непринужденной форме еще больше расширяли свой кругозор. И все же временами Дик чувствовал странную тоску. Ему чего-то не хва-

¹ *Mens sana in corpore sano* — в здоровом теле здоровый дух (лат.)

² Альфред Джингль — персонаж произведения Ч. Дикенса «Посмертные записки Пиквикского клуба».

тало в общении с друзьями. Но чего именно? Тоска, словно скрытый недуг, отравляла жизнь. Причиной бурного проявления загадочных симптомов стал лорд Фрэнсис Кварлс.

Фрэнсис Кварлс обладал потрясающей внешне-стью: широкий, как у быка, лоб, обрамленный вьющимися локонами, достойное античной статуи тело. Чего стоила его манера взирать на окружающий мир сквозь полуопущенные веки, эта сонная надменность! Он в действительности представлял собой то, чем мнил себя мистер Копторн-Слезинджер, и разделял неприязнь последнего к Дику и его друзьям. «Трусливые безбожники», — презрительно называл их Кварлс. Он всегда грудью вставал на защиту Бога, Веры и Англиканской церкви — неотъемлемых атрибутов аристократии. Кварлсы считали Господа чуть ли не членом семьи, и недостаток веры воспринимался ими как личное оскорбление.

Дику исполнилось шестнадцать. Шла середина летнего семестра. Стоял один из замечательных дней, когда на небе ни облачка и яркий солнечный свет особенно безжалостен к старинным зданиям. Их почтенный возраст и тихая грусть являли разительный контраст с буйством летней природы. Ученники колледжа Эзопа беззаботно веселились в тени овеванных столетиями камней. *«О будущей не мысля части, играют резво меж собой»*¹, — нельзя не вспомнить замечательные строки Грея.

Дик бесцельно прогуливался по квадратному двору, образованному стенами зданий, и невольно

¹ «О будущей не мысля части, играют резво меж собой» — строки из «Оды на отдаленный вид Итонской коллегии» Томаса Грея (1716–1771), английского поэта-сентименталиста, пер. П. Голенищева-Кутузова.

любовался окружающей красотой — смотрел на золотисто-серую часовню с резкими геометрическими тенями, черневшими между контрфорсами, разглядывал великолепные сооружения из розового кирпича, выстроенные в тюдоровском стиле¹. На крышах в ярких солнечных лучах блестели флюгеры, где-то с шумом вспархивали голуби. На Дика с новой силой напала тоска, и сегодня, на фоне всей этой благодати, ему было особенно тяжело.

Неожиданно из темной пасти туннеля, в конце которого скрывалась маленькая дверь (одна из двух, расположенных по краям жилого корпуса), на свет вышел человек. Это был Фрэнсис Кварлс, облаченный в белую фланель и солнечное сияние. Он возник перед глазами Дика, словно откровение, — яркий, красивый, стремительный. У Дика перехватило дыхание, сердце екнуло, желудок сжался, слегка закружилась голова. Гринау влюбился.

Фрэнсис прошел мимо, даже не обернувшись. Он шагал с гордо поднятой головой, сонно глядя из-под полуопущенных век. Фрэнсис удалился, и для Дика померк солнечный свет, любимый квадратный двор превратился в тюремный «колодец», а голуби — в отвратительных поедателей мертвечины. Позади раздались приветственные возгласы Партингтона и Гая, но Дик молча ушел прочь. Господи! Как же он ненавидел этих ребят, их желтые, некрасивые лица, их жалкую, глупую болтовню!

Несколько недель после происшествия во дворе с Диком творились странные вещи — впервые в жиз-

¹ Тюдоровский стиль — архитектурный стиль английской поздней готики, эпохи правления династии Тюдоров (1485—1604 гг.)

ни он взялся писать стихи. Один из сонетов начинался так:

Что это — явь иль странный сон?
С холмов Аркадии красавец Аполлон
Спустился, дабы в песнях соловья
Найти (далее Дик колебался) для своей лиры
вдохновенье
(или) божественному слуху наслаждение
И отдохнуть у струй английского ручья.

Он снова и снова повторял про себя фразы «с холмов Аркадии» и «божественному слуху наслаждение» и после долгих размышлений решил оставить первый вариант «для своей лиры вдохновенье» — он более гладко и мелодично ложился в строку. Какой замечательный вышел сонет! Почти, как у Китса¹. Нет, даже лучше — ведь Дик сочинил эти строки сам!

Дик избегал общества Гая, Флеттона и Партингтона. Прежние друзья стали ему отвратительны. Их разговоры (в те редкие моменты, когда Дик заставлял себя вслушиваться) казались лишенными смысла. Он часами просиживал один в своей комнате. Задачи по математике, которые Дик с легкостью решал до судьбоносной встречи с Кварлсом, оставались нетронутыми: он перестал их понимать. Вместо этого зачитывался романами и поэзией миссис Браунинг², а в перерывах писал собственные полные неистового восторга стихи.

После изнурительной борьбы со своей трусостью Дик наконец отважился послать Фрэнсису Кварлсу

¹ Джон Китс (1795–1821) — поэт, один из самых великих представителей английского романтизма.

² Элизабет Баррет Браунинг (1806–1861) — известная английская поэтесса.

записку с приглашением на чай. Когда последовал довольно сухой отказ, Дик разразился слезами. Последний раз он так сильно плакал в глубоком детстве. Дик неожиданно стал очень религиозен. Отныне он каждый вечер целый час, стоя на коленях, молился. Молился яростно, исступленно. Умерщвлял плоть строгим постом и бдениями. В своем религиозном порыве он дошел аж до самобичевания — по крайней мере пытался. (Ведь невозможно как следует отхлестать себя прутом в крошечной комнате, битком набитой антикварными безделушками, без риска что-нибудь расколотить!) Дик чуть ли не половину ночи проводил, стоя посреди комнаты нагишом в самых невероятных позах и пытаясь причинить себе боль. Затем, когда печальная процедура самоистязания завершалась, он вывешивался из окна, прислушиваясь к тихим звукам июльской ночи и с упоением впитывая ее теплую бархатную черноту.

Однажды ночью, когда мистер Копторн-Слеинджер возвращался в колледж поздним поездом, он случайно заметил в открытом окне мертвенно-бледное лицо Дика. Преподаватель не отказал себе в удовольствии задать юноше назидательный урок в виде двухсот строк на греческом, дабы тот усвоил: даже ученику шестого класса по ночам следует спать.

— Что с тобой происходит, Гринау? — гнусаво жаловался мистер Скъюболд. — Ты или не в состоянии, или не в настроении учиться. Сдается мне, дело в запоре. Ну почему никто не принимает на ночь хоть немного парафина! — Мистер Скъюболд возложил на себя важную миссию пропагандирования парафина: он считал парафин универсальным лекарством — средством от любой болезни.

Странное наваждение длилось три недели. Друзья недоуменно пожимали плечами, опасаясь, уж не тронулся ли Дик умом. И вдруг он совершенно неожиданно пришел в себя, словно кризиса и не бывало. Исцеление произошло на званом обеде, который давали Кравистеры.

Мистер Кравистер занимал в колледже Эзопа должность директора. Это был тихий, приятный, образованный пожилой человек с белоснежно-седыми волосами и лицом, подобающим святому, если бы по иронии судьбы оно не было «украшено» пунцовым носом-картошкой, будто взятым из реквизита клоуна. Супруга директора, миссис Кравистер, массивная и величественная, напоминала галеон под всеми парусами. Тот, кто видел эту даму впервые, поражался ее чувству собственного достоинства, или попросту *спеси*, как сказали бы в елизаветинские времена. Те, кто знал миссис Кравистер, опасались ее эксцентричной натуры, скрывавшейся под внешней напыщенностью. Никто не мог предугадать, что именно в следующий момент произнесет она хорошо поставленным голосом. Нельзя сказать, чтобы ею двигал лишь злой умысел, хотя колкое ироничное словцо всегда было готово сорваться с ее языка. В разговоре с супругой директора следовало постоянно находиться начеку. С людьми, которые говорят обычные, понятные вещи, всегда приятно общаться. С миссис Кравистер дела обстояли ровно наоборот. Самое лучшее, что мог сделать собеседник этой дамы, услышав очередную неожиданную фразу, — постараться выглядеть не таким идиотом, каким он себя чувствовал.

Миссис Кравистер принимала гостей (все они были юношами) с торжественной учтивостью. Мо-